УДК 821.161.1.0+82.0
DOI 10.52452/2658-7475-2026-3-31-42-60

«ПРИ БОНАПАРТЕ ЭТО БЫЛО». РАЗГОВОР О СМЕРТИ БОНАПАРТА В СКАЗКЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ОРЕЛ-МЕЦЕНАТ»

© 2026

Н.Н. Подосокорский

Подосокорский Николай Николаевич, SPIN-код: 9259-9204, ORCID: 0000-0001-6310-1579, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, Россия), n.podosokorskiy@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 03.06.2026
Статья принята к публикации: 14.09.2026

В статье анализируется обращение к наполеоновскому мифу в малоизученной сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Орел-меценат», написанной сатириком в 1884 году (за несколько месяцев до закрытия редактируемого им журнала «Отечественные записки») и впервые опубликованной в женевской газете русских эмигрантов «Общее дело» в 1886 году. Данная работа представляет собой первое в щедриноведении специальное исследование, всецело посвященное этому произведению. Особое внимание уделено странному разговору орла и сокола в сказке, касающемуся смерти Бонапарта. Выдвигается гипотеза о том, какого именно Бонапарта имеет в виду сокол. Объясняется, как орел-меценат в целом связан с наполеоновским мифом. Утверждается, что История в «Орле-меценате» и еще в трех щедринских сказках 1884 года представлена не как объективный безличный процесс, но как субъект жизни. Расширяется и дополняется реальный комментарий к сказке. Критически оценивается мнение о прямом соотнесении орла-мецената с императором Всероссийским Александром III, а его приближенных птиц – с политическими деятелями эпохи т.н. «контрреформ». Доказывается, что, несмотря на некоторые общие черты, полностью отождествлять сказочных персонажей и реальные фигуры первой половины 1880-х годов нельзя.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, авторские сказки, «Орел-меценат», наполеоновский миф, «Отечественные записки», Наполеон I, Наполеон III, Наполеон IV, Александр III.

В литературоведении закрепилось мнение, что «в щедринских сказках как в миниатюре заключены образы и проблемы всего творчества сатирика. Написанные в конце жизни, они как бы подытоживали его многолетний литературный труд» [Покусаев, Прозоров 1977, с. 139]. По справедливому замечанию К. Тюнькина, далеко не во всех своих сказках Салтыков-Щедрин «высказывается с полной определенностью» – в некоторых из них «мораль» только «подразумевается» и «требует от читателя умелой расшифровки» [Тюнькин 1989, с. 503]. В последнее время исследователи все чаще обращаются к изучению отдельных сказок Щедрина [Халикова 2019; Строганова 2021; Алякринская 2024], однако некоторые из них до сих пор остаются в тени научного внимания и почти не имеют необходимого историко-литературного комментария.

Одна из таких малоизученных сказок – «Орел-меценат» (нам не удалось найти ни одной специальной научной работы, всецело посвященной этому произведению) – была написана М.Е. Салтыковым-Щедриным в начале 1884 года для мартовского номера «Отечественных записок» (на тот момент одного из самых читаемых российских периодических изданий[1] и «любимого журнала революционной молодежи» [Русские революционеры 70–80-х гг. 1933, с. 474]), однако

[1] По расчетам В.Э. Бограда, «Отечественные записки» в 1882–1883 годы достигли пика своего тиража – более десяти тысяч экземпляров [Дмитренко 2022, с. 465]. В письме Н.А. Белоголовому от 13 февраля 1884 года Салтыков уже жалуется на сокращение подписки: «Замечательно, что и публика не поддерживает нынче. Целые массы людей, в которых прежде нечто брезжилось, вроде сочувствия лично ко мне, без всякой церемонии отвертываются. В прошлом году «Отеч<ественные> зап<иски>» потеряли около 1500 подписчиков; нынче подписка, сравнительно с прошлым годом, идет на 700 чел<овек> меньше. Мои сочинения не покупают, так что Карбасников, который купил у меня 5 книг, весьма горюет, а может быть и не заплатит по векселям. А у меня и к мартовской книжке уже было 4 сказки в типографию сдано, и я должен был и их взять обратно. Вот увидите, что я очень скоро буду позабыт совсем, и ежели смерть не освободит меня, то буду влачить больную и полуголодную старость, окруженный ласками любящей жены, которая будет с утра до вечера твердить: денег! денег! денег!» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 19, кн. 2, с. 281].

по цензурным соображениям так и не вышла в печатном виде в России при жизни автора. Первая ее публикация состоялась за границей – в женевской газете русских эмигрантов «Общее дело» (№ 81) в январе 1886 года. В России же ее впервые легально издали в составе четвертого тома Полного собрания сочинений писателя в 1906 году, что стало возможно лишь после обнародования Манифеста 17 октября 1905 года, значительно смягчившего существовавшие прежде ограничения свободы слова. Однако после заграничной публикации 1886 года и вплоть до 1900-х годов копии этой сказки активно распространялись среди представителей российского революционно-демократического подполья в Петербурге и в провинции (нелегальные списки сказки были, к примеру, обнаружены жандармами в Самарской и Вятской губерниях) [Пищулин 1977, с. 628].

Современники видели в этой сказке, прежде всего, сатиру на российское самодержавие в целом и на императора Александра III в частности. «Помню, – рассказывал А.Н. Герасимов, учившийся в ту пору в Технологическом институте, – с каким увлечением мы, студенты того времени, читали и перечитывали на гектографе напечатанную сказку “Орел-меценат”, в которой яркими художественными мазками набросана монументальная фигура невежественного, тупого и грубого отца Николая – последнего Александра III» [Пищулин 1977, с. 628]. Народник Н.Я. Быховский вспоминает о восприятии сказки в самом начале 1900-х годов: «Наиболее революционизирующее влияние на меня имели те сатиры Щедрина, которые были направлены против существовавшего самодержавно-полицейско-бюрократического государства. Ведь не было ни одного уголка этого прогнившего политического строя, где под яркими лучами щедринской сатиры не обнаруживались бы миазмы гниения и мерзость запустения. Хотя писателю приходилось, развивая эти темы, прибегать к наибольшей маскировке, к максимальной изощренности в использовании эзоповского языка, но и мы, читатели, ведь тоже изощрялись в стремлении понять истинные и сокровенные мысли сатирика. <...> Сказка Щедрина “Орел-меценат” в свое время тоже была нелегальной и была очень популярна среди нас, учащейся радикальной молодежи» [Русские революционеры 70–80-х гг. 1933, с. 475–476].

По наблюдению В.Н. Сажина, щедринские сказки начала 1884 года объединяет «мотив неумолимого гибельного фатума» [Сажин 2021, с. 319]. И действительно, в это время Салтыков-Щедрин выражает в письмах заметное беспокойство относительно дальнейших перспектив, как своих лично, так и возглавляемых им «Отечественных записок» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 19, кн. 2, с. 269, 275], закрытие которых подготовлялось уже, как минимум, с 1883 года [Макашин 1977, с. 458]. В декабре 1882 года руководителю публицистического отдела журнала Н.К. Михайловскому было запрещено проживание в пределах Петербургской губернии. В январе 1883 года министр внутренних дел Д.А. Толстой вынес журналу Салтыкова «второе предостережение» в связи с тем, что он «обнаруживает вредное направление, предавая осмеянию и стараясь выставить в ненавистном свете существующий общественный, гражданский и экономический строй как у нас, так и в других европейских государствах…» [Тюнькин 1989, с. 516]. В январе 1884 года арестовали ведущего сотрудника издания, публициста С.Н. Кривенко, в связи с чем Салтыков сообщает Н.А. Белоголовому: «Я теперь в журнале остался совсем один с Скабичевским. И это при неизлечимом моем недуге. Давеча меня потребовали в цензурный комитет для вырезок, так я насилу доехал. Верите ли, что я совершенно искренно говорю, что самое лучшее теперь было бы умереть» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 19, кн. 2, с. 281].

В письме к Н.К. Михайловскому от 14 февраля 1884 года Салтыков затронул проблему невозможности легальной публикации в России своих новых сказок, включая «Орла-мецената»: «Увы! мои сказки похоронены, и что еще больше досадно, я на март передал в типографию еще 4 сказки и думал, что отработался, а выходит, что только всуе труждался зиждущий и должен был сегодня же взять сказки эти обратно. Ибо там действующим лицом является Орел, а из слов Петрова я заключаю, что в февральских сказках главным образом обращено было внимание на Льва. А ныне и Крылову запретили бы писать на эти темы» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 19, кн. 2, с. 283].

В апреле 1884 года издание «Отечественных записок» («дорогое, любимое детище» Салтыкова, «в которое он всю душу свою клал»

[Михайловский 1957, с. 330]) было запрещено правительством, причем одной из весомых причин принятия такого решения стало неподцензурное распространение в оппозиционно и революционно настроенных кругах щедринских сатирических сказок [Дмитренко 2016, с. 51, 61]. В правительственном сообщении о закрытии журнала пояснялось, что «независимо от привлечения к законной ответственности виновных правительство не может допустить дальнейшего существования органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 20, с. 479].

В сказке «Орел-меценат», завуалированно выражающей едкую критику проводимых при новом императоре Александре III «контрреформ» и «деятельности царизма на поприще просвещения» [Бушмин 1984, с. 222], содержится, помимо прочего, странный разговор птиц о смерти Бонапарта, который мы и постараемся проанализировать в данной статье. В этой сатире некий орел, «которому опостылело жить в отчуждении» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 73], вдруг начал «задумываться» о том, как хорошо жилось в старину, имея дворню, и велел ястребу, коршуну и соколу собрать разных птиц для того, чтобы они его *утешали*, а он их *держал в страхе*. Посланные хищники выполнили приказ и нагнали уйму ворон, которых «записали в ревизские сказки» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 73], то есть определили в качестве податно́го населения. «Из коростелей и гагар духовой оркестр собрали, попугаев скоморохами нарядили, сороке-белобоке, благо воровка она, ключи от казны препоручили, сычей да филинов заставили по ночам дозором летать. Словом сказать, такую обстановку устроили, что хоть какому угодно дворянину не стыдно. Даже кукушку не забыли, в гадалки при орлице определили, а для кукушкиных сирот воспитательный дом выстроили» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 73].

Однако вскоре выяснилось, что «во всех дворнях полагаются науки и искусства, а у орла нет ни тех, ни других. Три птицы, в особенности, считали этот пропуск для себя обидным: снегирь, дятел и соловей» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 74]. С.А. Макашин определяет их как «беспринципных, холопствующих перед

властью во имя своих карьеристских целей и материальных выгод деятелей культуры» [Макашин 1989, с. 373]. По их-то просьбе сокол представил орлу доклад «о необходимости водворения наук и искусств», который тот не сразу понял. Однако вот какое его обоснование на орла все же подействовало: «Никогда он ни одной газеты не видывал; ни Бабой-Ягой, ни ведьмами не интересовался, а об соловье только одно слыхал: что эта птица – малая, не стоит из-за ее клюв марать.

– Ты, поди, не знаешь, что и Бонапарт-то умер? – спросил сокол.

– Какой такой Бонапарт?

– То-то вот. А знать об этом не худо. Ужо гости приедут, разговаривать будут. Скажут: **“При Бонапарте это было”**[2], – а ты будешь глазами хлопать. Не хорошо» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 75].

Первое, что здесь вызывает вопрос: о смерти какого конкретно Бонапарта идет речь? Основатель Первой французской империи Наполеон I Бонапарт умер в 1821 году. Сын Наполеона I, Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт, король Римский и герцог Рейхштадтский, называемый бонапартистами «Наполеоном II», скончался в 1832 году. Основатель Второй французской империи Наполеон III Бонапарт умер в 1873 году[3]. Их смерти являлись событиями

[2] В приводимых цитатах выделение обычным курсивом принадлежит автору цитаты, выделение полужирным – автору настоящей статьи.

[3] В именном указателе к 16 тому Собрания сочинений Салтыкова-Щедрина в 20 т. упоминание о смерти Бонапарта в сказке «Орел-меценат» отнесено к Наполеону III без всяких пояснений [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 2, с. 382]. Свое негативное отношение к этой фигуре писатель выразил в книге очерков «Мелочи жизни» (1887): «Помните ли вы, читатель, Наполеона III? – наверное, позабыли! Между тем он почти 20 лет сряду срамил не одну Францию, но и всю Европу – и никто не замечал праха, который до краев наполнял этого человека. Все преклонялось перед ним, все считало его серьезною силою. Новогодние приемы его представляли собой как бы политическую программу на целый год, – программу, которая принималась безоговорочно к исполнению. Но наконец пробил-таки час, когда гноище, на котором он возлежал, раскрылось само собой. И что же? С последним громом пушек — всё смолкло, точно

не только общеизвестными, но и слишком отдаленными по времени (произошедшими соответственно за более чем 60, 50 и 10 лет до написания сказки), чтобы о них можно было говорить как о некой «новости» в середине 1880-х годов. Однако всего за несколько лет до создания «Орла-мецената», а именно 1 июня 1879 года, на англо-зулусской войне в возрасте двадцати трех лет погиб Наполеон Эжен Луи Жан Жозеф Бонапарт, единственный сын Наполеона III, его наследник (императорский принц Франции) и на тот момент глава династии Бонапартов под именем Наполеона IV (в близком кругу он имел прозвище «Лулу»). Следствием его гибели стал крах всех реальных надежд бонапартистов на возвращение дома Бонапартов к власти. Так, например, в журнале «Отечественные записки», возглавляемом Салтыковым-Щедриным, о Наполеоне IV еще за несколько недель до его гибели писали как о «единственном спасении» для французской партии «реакции», объединившей бонапартистов, клерикалов, орлеанистов и проч. [Отечественные записки 1879а, с. 64]. А когда стало известно о его трагической кончине, то в рубрике «Хроника парижской жизни» тех же «Отечественных записок» отмечалось, что «удары 17 копий зулусов, убившие Наполеона-Эжена, поразили насмерть и его партию» [Отечественные записки 1879б, с. 107]. В книге очерков «За рубежом» (1880–1881) Салтыков-Щедрин также пишет о крахе партии бонапартистов, называя их в стиле своих сказок «обыкновенными хищниками»: «Что же касается до бонапартистов, то, со смертью Лулу, в среде этих людей началась такая суматоха, которая несомненно кончится тем, что шайка эта, утратив последние признаки политической партии, просто-напросто увеличит собою ряды обыкновенных хищников, наказуемых общими судами» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 14, с. 141].

Историк Д. Стэктон, в свою очередь, заключает: «Со смертью принца империи пришел конец бонапартизму, так как французы не

ничего и не было! Несмотря на его падение и смерть, события продолжали идти своим чередом, как будто он никогда никаким “концертом” не дирижировал. И теперь имя его до того погрузилось в мрак, что не только никто о нем не говорит, но даже и не помнит его существования» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 2, с. 15].

желали иметь дело с Плон-Плоном (вторым сыном короля Вестфалии Жерома Бонапарта и племянником Наполеона I – *Н.П.*) и принцем Виктором (сыном Плон-Плона и впоследствии еще одним претендентом на французский трон, т.н. «Наполеоном V» – *Н.П.*), который унаследовал от отца непомерное самомнение. Его интересовала лишь светская жизнь, и эти свои амбиции он полностью удовлетворил, став прихлебателем при итальянском дворе» [Стэктон 2012, с. 393].

Таким образом, к моменту написания сказки Щедрина «Орел-меценат» можно было рассуждать о смерти не просто одного из императоров Бонапартов, но о кончине надежд целой партии бонапартистов, олицетворявшей в глазах круга Салтыкова-Щедрина силы французской реакции. С гибелью принца Наполеона-Эжена в среде бонапартистов произошел серьезный раскол, и все последующие номинальные главы дома Бонапартов уже не являлись потомками ни императора Наполеона I, ниимператора Наполеона III, представляя побочную линию Жерома Бонапарта (1784–1860), самого младшего брата Наполеона I.

Второй вопрос, в связи с репликами сокола, состоит в том, почему гости орла вообще должны были упомянуть в разговоре с ним именно о Бонапарте и о том, что при нем «это было». Вероятно, к такому направлению мысли подталкивала бы вся обстановка тиранства и холопства, царящая вокруг орла. Хотя Щедрин поначалу, казалось бы, описывает своего орла как всего-навсего помещика, барина средней руки, тоскующего по временам крепостного права и нуждающегося в покорной «дворне», в сказке все же есть определенные намеки на то, что масштаб его затей отнюдь не местечковый и провинциальный, а вполне государственный. Так, ученый-дятел мечтает устроиться к нему в «дворовые историографы» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 74], для молодых соколят и ястребят при орле устраивают «кадетские корпуса», а для сов, филинов и сычей – целую «академию де сиянс»[4] [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 75].

[4] «Академия де сиянс» (фр. Académie des sciences) – еще одна отсылка в сказке именно к французским реалиям.

Цензор П.Г. Сватковский недаром запретил сказку с таким обоснованием: «Если мы снимем с рассказа сказочный покров и заменим птиц людьми, то орел-меценат представится нам могущественным властелином, крайне невежественным, управляющим государством по своей прихоти, как вздумается, наводя лишь страх на всех…» [Баскаков, Бушмин 1988, с. 258]. В финале же сказки автор и вовсе сообщает, что «сама История ускорила свое течение, чтоб положить конец этой сумятице» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 79], то есть призывает рассматривать описанное им как сюжет отнюдь не мелкий, но вполне исторический. Впрочем, уменьшение социального масштаба исторических лиц в сатирических целях – типичный для Салтыкова-Щедрина художественный прием, особенно эффектно и талантливоим использованный в «Истории одного города» (1869–1870), где, к примеру, падение государственного секретаря М.М. Сперанского в марте 1812 года было обыграно в образе градоначальника города Глупова Беневоленского, который «вступил в секретные сношения с Наполеоном» и за это был отставлен от должности и объявлен «изменником» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 8, с. 364].

Примечательно также, что «История» не как объективный и безличный процесс, но как субъект действительной жизни появляется еще только в трех щедринских сказках: «Медведь на воеводстве», «Вяленая вобла» и «Карась-идеалист», – все они, как и «Орел-меценат», были созданы Салтыковым в 1884 году. В «Карасе-идеалисте» карась так отвечает на вопрос, что такое история: «История – это повесть освобождения, это рассказ о торжестве добра и разума над злом и безумием» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 82]. Сам Салтыков-Щедрин отнюдь не был столь прекраснодушен, как его идеалистический персонаж, но нельзя сказать, что такой взгляд совсем не отражал потаенных надежд и глубинных чаяний сатирика.

Упоминание Бонапарта в сказке, посвященной не только одному орлу-меценату, но всяческим орлам вообще, в панегирики которым автор, по его признанию, и сам очень долго верил [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 72], вряд ли можно считать случайным и

проходным, поскольку из реальных деятелей истории Нового времени самым знаменитым «орлом», оставившим заметный след в культуре и массовом сознании людей XIX века, как раз является Наполеон I Бонапарт. Да и вообще весь зачин сказки «Орел-меценат», в котором с сарказмом говорится о поэтах, восхваляющих *орлов-властителей*, есть отсылка к наполеоновскому мифу: «Поэты много об орлах в стихах пишут, и всегда с похвалой. И статьи у орла красоты неописанной, и взгляд быстрый, и полет величественный. Он не летает, как прочие птицы, а парит, либо ширяет; сверх того: глядит на солнце и спорит с громами. А иные даже наделяют его сердце великодушием. Так что ежели, например, хотят воспеть в стихах городового, то непременно сравнивают его с орлом» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 72].

Тут можно вспомнить хотя бы стихотворение В.И. Аскоченского «Наполеон» (1840):

И на незваном новоселье
Задумался Наполеон...
Но вдруг орлиными крылами
Неутомимый он взмахнул
И вновь вселенну ужаснул
Своими страшными громами
[Аскоченский 1846, с. 96].

Об «орлином» взгляде Наполеона писали не только поэты, но и прозаики: М.Н. Загоскин в романе «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831) [Загоскин 1988, т. 1, с. 310, 478], герцогиня д'Абрантес в своих мемуарах (1831–1835) [Абрантес1835–1839, т. 2, с. 120], В.Г. Бенедиктов в стихотворении «Ватерлоо» (1836) [Бенедиктов 1939, с. 91], Ф.М. Достоевский в романе «Идиот» (1868–1869) [Достоевский 1972–1990, т. 8, с. 413] и многие др. Триумфальное возвращение Наполеона к власти после его высадки 1 марта 1815 года на юго-востоке Франции вошло в историографию как «полет орла» [Троицкий 2020, т. 2, с. 367]. В немецком романе «Ночные бдения Бонавентуры» (1805) именно о Наполеоне (как заметил А.В. Михайлов)

говорится: «Кто не знает солнечного орла, пролетающего через новейшую историю!» [Бонавентура 1990, с. 118, 242] и т.д.

Устроение щедринским орлом дворни из разных птиц[5] напоминает сюжеты из русской антибонапартистской поэзии эпохи 1812 года. Например, в стихотворении Степана Юшкова «Песня на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» (1812) читаем:

Уж как слышно нам: Бонапарт злодей
Не одних скворцов на Москву пустил,
А привел он с собой и гусей, и грачей,
И чижей, и синиц, воробьев, журавлей,
И сорок, и ворон, коршунов и сычей,
Вислоухих сов и ночных филинов,
Да и тех дураков – полевых дудаков…
[Собрание стихотворений 2015, с. 124].

В стихотворении «Кривой коршун» (1814) П.Н. Арапова также применена подобная оптика, хотя Бонапарт-орел в нем в пропагандистских целях поименован «коршуном»:

Собравшись, налетел на воробьино царство,
Потряс невинных государство;
Из знатных воробьев
Наделал конюхов.
«На деле подданным я показать желаю,
Какое место занимаю!»
Еще он подтвердил,
И брата коршуна на троне посадил.
А новых воробьев набравши
И приказания раздавши,
Пустился хитростью своей
И к галкам – овладел землéй;

[5] Этот же сюжет в свете наполеоновского мифа обыгран Достоевским в комической повести «Дядюшкин сон» (1859) [Подосокорский 2011, с. 355–356].

Столкнул державного царя
И сделал звонаря.
А там за голубей, за скворцов принялся,
Уж Императором назвался.
Сорок, грачей, синиц, дроздов,
Кукушек, снигирей, ворон и журавлев,
Всех птиц накрыл сетями.
[Арапов 1814, с. 4].

«Орлиная» сущность Наполеона неразрывно связана с солярным мифом, что отразилось и в прижизненном культе императора, и в обширнейшей литературе т.н. наполеоновской легенды [Подосокорский 2023]. У Щедрина же дятел-историк тоже «начал с того, что генеалогию орла от солнца повел, а орел с своей стороны подтвердил: “И я в этом роде от папеньки слышал”» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 76].

Можно увидеть и общую для Наполеона и орла-мецената модель отношения к наукам, искусствам и просвещению. Во-первых, Щедрин сообщает, что орлы «хлебосольством не занимаются, но разбойничают» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 73], и это можно соотнести с тем, как Наполеоновские войны повлияли на развитие культуры и учености во Франции и всей Европе. Египетский поход Бонапарта содействовал появлению науки египтологии, а Музей Наполеона (будущий Музей Лувр), рассматриваемый в период Первой империи как «средоточие мировой культуры» [Леруа-Жэ-Леметр 2010, с. 199], в значительной части был наполнен шедеврами, перевезенными в Париж в ходе разграбления побежденных государств и народов. И. Леруа-Жэ-Леметр пишет: «По мере того, как Наполеон завоевывал все новые страны, в музее открывались новые залы, как, например, зал Дианы, где почетное место занимал знаменитый бронзовый “Орант”, вывезенный из Берлина» [Леруа-Жэ-Леметр 2010, с. 194].

Во-вторых, в Первой империи разрешалось публиковать любые статьи лишь при строжайших контроле и цензуре. Академик Е.В. Тарле охарактеризовал политику Наполеона в отношении прессы таким образом: «Вся полнота власти сосредоточилась в его

руках. Все остальные учреждения существовали в виде каких-то бледных теней, никогда не имевших и не пытавшихся иметь ни малейшего влияния. <...> Ему нужны были слуги и исполнители, а не советчики и законодатели. Тотчас же обнаружилось, что ему не нужны и критики. Постановлением, проведенным вскоре после введения в действие консульской конституции, Бонапарт (27 нивоза) приказал из 73 существовавших до тех пор газет закрыть 60, а остальные 13, до поры до времени уцелевшие (спустя некоторое время из них было закрыто еще девять и осталось четыре), были отданы под суровый надзор министра полиции. Наполеон органически не выносил чего-либо даже отдаленно похожего насвободу печати» [Тарле 1957–1962, т. 7, с. 91]. Сам Салтыков-Щедрин в статье «Насущные потребности литературы» (1869) обращается к примеру Наполеона I, когда говорит о стеснении свободы слова в России: «“Передайте журналистам, – писал Наполеон 1-й к Фуше, – что я буду судить о них не по тем вредным мыслям, которые они будут высказывать, а по тому отсутствию благонамеренности, которой они не выскажут” (Lanfrey. Hist. De Napoleon 1-er. T. III, ch. V). Эти чудовищные слова составляют весь кодекс легковесности, которая любит ссылаться на сильные авторитеты во всех случаях, когда идет речь о стеснениях» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 9, с. 96–97].

Хотя сказка «Орел-меценат» в целом, безусловно, обращена к российским реалиям первой половины 1880-х годов и в ней сатирик «метил в самые “верхи” и даже непосредственно в царя» [Покусаев, Прозоров 1977, с. 140], все же в ней нет и не могло быть прямых и безусловных соответствий между художественными образами и реальными деятелями партии охранителей. Справедливо суждение, что «в сказках Салтыкова-Щедрина трудно “разъять” животных и людей» [Покусаев, Прозоров 1977, с. 141], а потому вряд ли корректно отождествлять главных придворных орла (сказочных сокола, коршуна и сову) с конкретными фигурами из окружения Александра III (вроде министра внутренних дел Д.А. Толстого, министра народного просвещения И.Д. Делянова и обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева), а орлиную интеллектуальную и культурную обслугу (снегиря, дятла и соловья) с деятелями вроде редактора «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М.Н. Каткова или редактора

«Гражданина» В.П. Мещерского, видевших свою цель в идеологическом укреплении консервативных начал в России и прославлении абсолютной монархии.

Затруднительно провести четкие параллели между произвольными мерами орла-мецената, описанными в сатире как неудачная попытка устроить «золотой век», и конкретными решениями правительства Александра III, а также событиями начала его царствования. Среди последних можно выделить как реально просветительские мероприятия (проведение XV Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве в 1882 году, открытие Исторического музея в Москве в 1883 году и др.), так и ограничительные меры (принятие положения «О временных мерах относительно периодической печати» 1882 года, усилившего цензуру и уменьшившего гласность [Миронов 1999, т. 2, с. 153], рассмотрение проекта нового Университетского устава[6] и проч.).

В щедринской сказке об усилении репрессий и цензуры говорится лишь в самых общих и гротескных чертах: «Нарядили дятла в кандалы и заточили в дупло навечно. А на другой день он в том дупле, заеденный муравьями, помре. Едва кончилась история с дятлом, как последовал погром в академии де сиянс. Однако ж сычи и филины защищались твердо: жалко им было с теплыми казенными квартирами расставаться. Говорили, что не того ради сиянсами занимаются, дабы их распространять, а для того, чтобы от лихого глаза их оберегать. Но коршун сразу увертки их опровергнул, спросив: “Да сиянсы-то зачем?”. И они на этот вопрос не ответили (не ждали). Тогда их поштучно распродали огородникам, а последние, набив из них чучелов, поставили огороды сторожить. В это же самое время отобрали у воронят азбуку-копейку, истолкли оную в ступе и из полученной массы наделалиигральных карт. Дальше – больше. За совами и филинами последовали скворцы, коростели, попугаи, чижи... Даже глухого тетерева заподозрили в “образе мыслей” на том основании, что он

[6] Новый университетский устав, призванный усилить контроль над студенчеством, был принят вместо либерального устава 1863 года после написания сказки, в августе 1884 года, но активное рассмотрение его проекта происходило уже в 1883 году [Аблязов 2006, с. 104–105].

днем молчит, а ночью спит...» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 78–79].

Обращает на себя внимание и ряд куда более радикальных несоответствий между сказочным орлом и Александром III. В сказке говорится о «кровожадности» орла и о том, как он сперва «разорвал надвое» сову, а затем и «покончил» с соколом [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 77], – ничего подобного в отношении своих советников и министров своего отца Александр III (как и другие российские государи XIX века) себе никогда не позволял (подобные жестокие расправы больше характерны для русских правителей XVI– первой половины XVIII века). Кроме того, в сказке упоминается введение орлом «нового налога» на «ворон» (т. е., главным образом, на крестьян) под названием «просветительного» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 75], тогда как налогообложение крестьянства в первые годы правления Александра III заметно уменьшилось: в 1882 году был на 12 млн рублей снижен размер ежегодных выкупных платежей, а в 1883 году появился высочайший указ, в котором предписывалось приступить к отмене подушной подати [Боханов 2026, с. 306]. Иными словами, мишенью сатиры Щедрина был вовсе не конкретный царь, но самодержавие в целом, которое в противоречии с духом времени ориентировалось, с одной стороны, на практику раболепного взаимодействия подданных с властью эпохи поэта Тредиаковского[7], а с другой стороны,на политическую традицию, заложенную Бонапартом, при которой за фасадом законов и просвещения скрывалась ничем не ограниченная власть одного лица.

[7] В «Орле-меценате» рассказывается, как «самого старого скворца определили стихотворцем, под именем Василия Кирилыча Тредьяковского» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 75], и как он победил в состязании с соловьем, использовав грубую лесть в адрес правителя: «А Василий Кирилыч тут как тут. Те же холопские сюжеты взял, да так их явственно изложил, что орел только и дело, что повторял: “Имянно! имянно! имянно!”. И в заключение надел на Тредьяковского ожерелье из муравьиных яиц, а на соловья сверкнул очами, воскликнув: “Убрать негодяя!”» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 76].

Вместе с тем, щедринский орел-меценат – это уже опустившийся, изнеженный, выхолощенный властитель, похожий на тень Бонапарта. Он тоскует по стародавним временам, пытается в карикатурном виде восстановить разные архаические порядки и даже может растерзать кого-то из приближенных, но уже не способен на решительные меры, требующие напряжения всех его сил. Когда вороны, оставшиеся «без призора», от него улетели, то он сперва погнался за ними, «да не тут-то было: сладкое помещичье житье до того его изнежило, что он едва крыльями мог шевелить» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 79].

Можно сказать, что в сказке высмеивается не столько очередной неудачливый тиран-самодур, возомнивший себя новым Бонапартом (все же истинный Бонапарт уже умер, о чем сокол и сообщает в своем докладе орлу), сколько «холопство в науке и искусстве» [Бушмин 1984, с. 222] и *бонапартизм* как расхожее явление, связанное с культом кажущейся сильной личности, безотносительно к интересам всей нации, нуждающейся в просвещении самом по себе, а не только ради утешения и прославления правителя. В книге очерков «За рубежом», опубликованной за несколько лет до написания сказки «Орел-меценат», Салтыков-Щедрин определил «бонапартистов» так: «Выражение “бонапартисты” <…> отнюдь не следует понимать буквально. Под “бонапартистом” я разумею вообще всякого, кто смешивает выражение “отечество” с выражением “ваше превосходительство” и даже отдает предпочтение последнему перед первым. Таких людей во всех странах множество, а у нас до того довольно, что хоть лопатами огребай» [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 14, с. 11]. Сам сатирик не отвечает прямо на вопрос, поставленный им в финале сказки: *просвещение ли для орлов вредно, или орлы для просвещения вредны* [Салтыков-Щедрин 1965–1977, т. 16, кн. 1, с. 79], но, по его мнению, они совершенно точно несовместимы по своей сути.

Источники

Абрантес 1835–1839 – [Абрантес, герцогиня] Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов: в 16 т. / пер. с франц. К. Полевого. М., 1835–1839.

Арапов 1814 – Арапов П.Н. Моя жертва Наполеону: Кривой коршун, притча, и Кузнецкой мост. М., 1814.

Аскоченский 1846 – Аскоченский В.И. Стихотворения. Киев, 1846.

Бенедиктов 1939 – Бенедиктов В.Г. Стихотворения / вступит. ст., ред. и прим. Л.Я. Гинзбург. Л., 1939.

Бонавентура 1990 – Бонавентура. Ночные бдения / Издание подготовили А.В. Гулыга, В.Б. Микушевич, А.В. Михайлов. М., 1990.

Достоевский 1972–1990 – Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990.

Загоскин 1988 – Загоскин М.Н. Сочинения: в 2 т. / сост., коммент. С. Панова, А. Пескова. М., 1988.

Михайловский 1957 – Михайловский Н.К. Материалы для литературного портрета М.Е. Салтыкова // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников / предисл., подготовка текста и коммент. С.А. Макашина. Москва, 1957. С. 322–336.

Отечественные записки 1879а – Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. Санкт-Петербург, 1879. Т. 244. № 5. Отд. 2. Современное обозрение. Хроника парижской жизни. С. 51–78.

Отечественные записки 1879б – Отечественные записки. Журнал литературный, политический и ученый. Санкт-Петербург, 1879. Т. 245. № 7. Отд. 2. Современное обозрение. Хроника парижской жизни. С. 85–108.

Русские революционеры 70–80-х гг. 1933 – Русские революционеры 70–80-х гг. о Щедрине // Литературное наследство. Москва, 1933. Т. 11–12. Щедрин. Кн. 1. С. 471–510.

Салтыков-Щедрин 1965–1977 – Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. М., 1965–1977.

Собрание стихотворений 2015 – Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подгот. Текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. М., 2015.

Литература

Аблязов 2006 – Аблязов К.А. Устав университетов 1884 г.: история подготовки и характеристика его основных положений // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2006. № 12. С. 100–108.

Алякринская 2024 – Алякринская М.А. Об источниках и поэтике сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 3 (82). С. 7–20.

Баскаков, Бушмин 1988 – Баскаков В.Н., Бушмин А.С. Примечания // Салтыков-Щедрин М.Е. Сказки / Изд. подгот. В.Н. Баскаков, А.С. Бушмин. Ленинград, 1988. С. 245–276.

Боханов 2026 – [Боханов А.Н.] История России. От Александра I до Николая II / А.Н. Боханов: под ред. А.Н. Сахарова. Москва, 2026.

Бушмин 1984 – Бушмин А.С. Эволюция сатиры Салтыкова-Щедрина / отв. ред. С.А. Макашин. Ленинград, 1984.

Дмитренко 2016 – Дмитренко С.Ф. История закрытия «Отечественных записок» и сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 50–63.

Дмитренко 2022 – Дмитренко С. Салтыков (Щедрин). М., 2022.

Леруа-Жэ-Леметр 2010 – Леруа-Жэ-Леметр И. Музей Наполеона // Наполеон и Лувр. Из собраний музеев Франции: каталог выставки в Государственном историческом музее 21 сентября – 10 декабря 2010 г. / науч. ред. В.М. Безотосный. М., 2010. С. 194–229.

Макашин 1977 – Макашин С.А. Из истории литературной политики самодержавия: как подготовлялось закрытие «Отечественных записок» // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. С. 442–460.

Макашин 1989 – Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. М., 1989.

Миронов 1999 – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 1999.

Пищулин 1977 – Пищулин Ю.П. Из истории нелегальных изданий сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина // Литературное наследство. М., 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. С. 619–630.

Подосокорский 2011 – Подосокорский Н.Н. Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 2011. № 6. С. 350–362.

Подосокорский 2023 – Подосокорский Н.Н. Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105.

Покусаев, Прозоров 1977 – Покусаев Е.И., Прозоров В.В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Биография писателя. Пособие для учащихся. Изд. 2-е. Ленинград, 1977.

Сажин 2021 – Сажин В.Н. Михаил Салтыков-Щедрин: Одинокий скорпион. СПб., 2021.

Строганова 2021 – Строганова Е.Н. О сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик» // Культура и текст. 2021. № 1 (44). С. 6–13.

Стэктон 2012 – Стэктон Д. Бонапарты: от императора до наших дней / пер. с англ. И. Кастальской. М., 2012.

Тарле 1957–1962 – Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. / гл. ред. А.С. Ерусалимский. М., 1957–1962.

Троицкий2020 – Троицкий Н.А. Наполеон Великий: в 2 т. / подг. к публ. М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М., 2020.

Тюнькин 1989 – Тюнькин К. Салтыков-Щедрин. М., 1989.

Халикова 2019 – Халикова Н.В. Образно-символическое значение слова в истолковании содержания сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина «Ворон-челобитчик» // Литература в школе. 2019. № 8. С. 28–31.

"IT WAS UNDER BONAPARTE". A CONVERSATION ABOUT BONAPARTE'S DEATH IN THE FAIRY TALE BY M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN "THE EAGLE-MAECENAS"

N.N. Podosokorsky
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences

This article analyzes the Napoleonic myth in M.E. Saltykov-Shchedrin's little-studied fairy tale "The Eagle-Maecenas", written by the satirist in 1884 (several months before the closure of the journal "Otechestvennye Zapiski" he edited) and first published in the Geneva newspaper of Russian émigrés, "Obshchee Delo", in 1886. This work represents the first dedicated study in Shchedrin studies devoted entirely to this work. Particular attention is paid to the strange conversation between the eagle and the falcon in the tale, concerning the death of Bonaparte. The article presents a hypothesis on which Bonaparte the falcon is referring to. The overall connection between the eagle-maecenas and the Napoleonic myth is explained. It is argued that History in "The Eagle-Maecenas" and three other Shchedrin tales from 1884 is presented not as an objective, impersonal process, but as a subject of life. The real commentary on the tale is expanded and supplemented. The notion that the eagle-maecenas directly correlates with Emperor Alexander III of Russia, and his attendants with political figures of the so-called "counter-reform" era, is critically assessed. It is demonstrated that despite some common features, it is impossible to completely and entirely equate fairy-tale characters with real-life figures of the first half of the 1880s.

Keywords: M.E. Saltykov-Shchedrin, author's fairy tales, "The Eagle-Maecenas", the Napoleonic myth, "Otechestvennye Zapiski", Napoleon I, Napoleon III, Napoleon IV, Alexander III.